

УДК 902:303.447.3

ЭКСПЕРИМЕНТ В МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ БАЗЕ АРХЕОЛОГИИ, ЕГО ФУНКЦИИ И РОЛЬ

*Нет иного способа на пути к человеческому
познанию, кроме эксперимента.*

Фрэнсис Бэкон

Один поэт со страниц одного польского фантаста высокопарно вещал: «Поэты должны знать все, в противном случае мы компрометировали бы себя», с археологами дело обстоит так же. И не по той причине, что археология столь высокопарна и поэтична, совсем наоборот, потому что объект и предмет археологии настолько широки и всеобъемлющи, что в ней попросту не остается места даже для толики поэтичности.

Археология как наука, изучающая историю человечества по материальным источникам, берет во внимание абсолютно все аспекты жизнедеятельности человека и человеческих общностей, следовательно, ученый-археолог должен представлять в гораздо большем количестве ипостасей, чем ученый-историк, который воспользуется данными археолога, но уже в архивном варианте – отсортированном, лаконичном и аргументированном документе. Чтобы осознать всю глубину данной проблемы, нужно представить себе, насколько широка пропасть между археологическим исследованием и окончательной исторической мыслью. Насколько широка пропасть между Титом Лукрецием Каром, впервые выдвинувшим мысль о системе трех веков, Кристианом Юргенсеном Томсеном, – создателем теории на основе этой мысли, и обществом, которое, несмотря на всю аргументацию, все еще не приняло ее окончательно. Насколько титанический труд лежит между открытием олдувайских чопперов, с трудом отличимых от обычной речной гальки, и трансформацией этого открытия в уже обыденную историческую истину о развитии человека, ставшую привычной и по-родственному тривиальной в исторических кругах. Иными словами, со становлением и развитием археологии, огромными усилиями археологов было постепенно проявлено огромное историографическое бельмо в изучении первобытной истории и дописьменного развития многих цивилизаций, о чем мы, как правило, несправедливо забываем.

Исходя из того, что рамки предмета археологии достаточно обширны, а «под предметом современной археологии обычно понимают само древнее общество во всей совокупности его

аспектов: материального, духовного, бытового, этногенетического и социального» [3, с. 4], объекты же и того более разнообразны, то и задачи, выдвигаемые наукой для исследования объекта и предмета, – чрезвычайно многогранны. Но даже такое внушительное количество задач реализуется за счет методологической базы, которая не лежит лишь в плоскости исторической науки, а имеет междисциплинарные связи не только с гуманитарными науками, но и с точными, такими как химия или физика.

Методологическая база археологии имеет широкий инструментарий способов разрешения научных задач на каждом из этапов археологического исследования, начиная с прогнозирования и разведки местности, заканчивая узкоспециальными лабораторными исследованиями. Имея за плечами почти двухвековую историю развития как науки, археологическое исследование до сих пор составляет очень трудоемкий и кропотливый процесс, исходя из практически неограниченной вариативности материальных объектов исследования, при их сильной территориально-культурной дифференциации. Таким образом, весьма обширная совокупность методов исследования не столько предмет для гордости, сколько практическая необходимость подобрать способ решения, в точности соответствующий исследовательской задаче.

Значимой проблемой археологии является проблема понимания механизмов развития первобытного и древнего общества, особенностей их ежедневного функционирования, как в социально-бытовой, так и в духовной сфере. Человеческое общество находится в постоянном развитии, затрагивающем все сферы его деятельности, исходя из чего, мы получаем извечный конфликт поколений, который выливается в аксиологическом диссонансе между представителями нескольких возрастных групп. Что, в таком случае, мы можем сказать о понимании и между современными людьми и человеком первобытным с его прямыми предками, отделяемыми разницей в десятки тысяч лет? Нас отделяет бездна непонимания. Как классифицировать широкое разнообразие артефактов, конструктивно неидентифицируемых сегодня, если позитивный опыт человечества, накапливаемый миллионами лет, передается детям еще в дошкольном возрасте, а часть этого опыта не передается вообще, не находя практического применения? Преодолеть тысячелетний барьер непонимания, распознать функции и тонкости работы тех или иных орудий труда, особенности того или иного вида первобытной деятельности позволяет эксперимент и экспериментальная археология.

«Эксперимент (от лат. *experimentum* проба, опыт) – метод познания, при помощи которого в контролируемых и управляемых условиях исследуются явления действительности. Эксперимент

осуществляется на основе теории, определяющей постановку задач и интерпретацию его результатов. Нередко главной задачей служит проверка гипотез и предсказаний теории, имеющих принципиальное значение. В связи с этим эксперимент как одна из форм практики выполняет функцию критерия истинности научного познания в целом» [5, с. 792].

Эксперименты не только способны влиять на ход истории человека, эксперименты в значительной степени способны влиять и на представление человека о ходе собственной истории. Еще задолго до того, как Бэкон и эмпиристы объявили его основой человеческого познания, задолго до того, как Галилей и Ньютон изменили своими экспериментами мир, эксперимент был достоянием человечества. Эксперимент не только неотступный спутник человека, во многом именно благодаря ему человек выделился из животного мира. Чем, если не экспериментом, была первая попытка обработки камня, предпринятая *homo habilis*, ныне известная как Олдувайская культура? Теоретические знания о внешнем мире, накопленные поколениями австралопитеков, в сумме с морфологическими изменениями, подготовленными, уже на тот момент, миллионами лет эволюции, практически были подтверждены экспериментом. Весьма успешным, на наш взгляд, экспериментом, чему есть несколько аргументов. Во-первых, *homo habilis* становится родоначальником принципиально новой, прогрессивной ветви приматов, которая, в конечном итоге, приведет к появлению *homo sapiens*, при этом четко разграничивает гоминидов на две категории: прогрессивных, способных к преобразованию внешней среды, и тупиковых, соответственно, не приспособленных к этому. Во-вторых, эта производственная «революция», определила вектор развития человека на миллионы лет вперед, утвердив в сознании гоминидов представление об орудиях труда, так как даже современные молоток, топор и нож – как конструктивно, так и функционально аналогичны обитым галечным чопперам, чоппингам и отщепам, миллионы лет развития лишь усовершенствовали эти орудия, но революционных преобразований они все же не претерпели.

Подобных примеров существует множество, ведь каждая последующая ступень развития человека была ознаменована новым экспериментом, будь то лук и стрелы, производящее хозяйство, керамика или колесо. По сути, эволюция и развитие человека – это борьба экспериментов для преодоления естественного отбора. Именно поэтому эксперимент имеет исключительную ценность для археологического исследования.

Экспериментальная археология как отдельная отрасль науки начала развиваться вместе с первыми исследованиями в области археологии, потому как эксперимент был незаменим для первых

археологов, как минимум, ввиду отсутствия теоретической базы науки, к примеру, «Томсен применял его в исследовании лур, огромных металлических инструментов эпохи бронзы» [2, с. 14]. Своего расцвета экспериментальная археология достигает в XX в., по мере расширения теоретической и исследовательской базы науки, значительно пополняется список проблем, не нашедших консенсуса среди археологов либо просто не разрешенных до этого, ярким примером может служить серия экспериментов Семена Анатольевича Семенова, предшествующая разработке трассологического анализа, разрешившего впоследствии немало археологических загадок.

На сегодняшний день в мире действует большое количество экспериментальных поселений различных археологических эпох и культур, к тому же направленных на исследование разных археологических задач. Условия жизни в этих поселениях максимальным образом приближены к условиям реконструируемой ими эпохи. Например, в датском Лейре в 1964 году было построено экспериментальное село, живущее жизнью эпохи железа, скот в этом поселении был выведен путем обратного скрещивания и доведен до вида, примерно соответствующего животным той эпохи [2, с. 16]. Помимо основной – исследовательской функции, эти поселения выполняют и второстепенную – популяризацию исторической науки в широких кругах, экспериментальные поселения принимают огромное количество туристов и посетителей, желающих окунуться в увлекательный мир собственного прошлого, и тем самым черпают для себя археологические знания путем их практического усвоения.

Несмотря на все вышесказанное, археологический эксперимент не является «панацеей» для решения всех проблем археологии. Экспериментальная археология знает примеры, когда на основе экспериментов выносились неверные выводы. Знает и примеры, когда параллельные эксперименты давали прямо противоположный результат, поэтому мы не имеем права трактовать полученные экспериментальным путем данные как абсолютные. «Результаты экспериментов только тогда близки к древнейшей действительности, когда они программируются в соответствии с достижениями археологии для каждой конкретной ситуации» [2, с. 18].

Следует также выделить несколько основных принципов ведения археологических экспериментов. Во-первых, на основании эксперимента нельзя твердо и безошибочно установить, был ли данный рабочий процесс таким у наших предков или он выглядел как-то иначе. Во-вторых, результат эксперимента не определен во времени и пространстве, доказав, что какой-то процесс в каком-то месте в прошлом осуществлялся определенным образом, мы не вправе утверждать, что так происходило всегда и везде. В-третьих, экспериментальную работу следует проводить с четко

установленными задачами и ожидаемым результатом. В-четвертых, все проводимые опыты следует детально и четко описывать, чтобы получить возможность сравнения с другими экспериментами [2, с. 18-19].

Подводя итоги, следует отметить, что эксперимент неотлучно сопутствует археологии с момента ее становления, существует целая отрасль науки – экспериментальная археология, основной задачей которой является практическое обоснование и подтверждение гипотез, выявление особенностей того или иного археологического процесса. Эксперимент по праву занимает одно из значимых мест в методологической базе археологии, его значение для систематизации и фильтрации теоретических данных науки сложно переоценить. Основной функцией археологического эксперимента, на наш взгляд, является возможность обеспечения понимания процессов, протекающих в первобытном и древнем обществе, как на индивидуально-бытовом, так и социокультурном уровне. Именно археологический эксперимент способен дать нам ключ к пониманию особенностей развития и становления человека, то есть ключ к пониманию самих себя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брей У. Археологический словарь: перевод с английского / У. Брей, Д. Трамп. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
2. Малинова Р. Прыжок в прошлое. Эксперимент раскрывает тайны древних эпох / Р. Малинова, Я. Малина. – М. : Мысль, 1988. – 271 с.
3. Мартынов А. И. Археология : учебник / А. И. Мартынов. – М. : Высш. шк., 2000. – 439 с.
4. Фаган Б. Ахеология. В начале / Б. Фаган, К. ДеКорс. – М. : Техносфера, 2007. – 592 с.
5. Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. – М. : Сов. энциклопедия, 1983. – 840 с.

АННОТАЦИЯ

Никулин Ю.А. Эксперимент в методологической базе археологии, его функции и роль.

Данная статья рассматривает понятия эксперимента и экспериментальной археологии в контексте археологической науки, их функции и роль как для отрасли знаний в целом, так и конкретно для человека.

Ключевые слова: эксперимент; экспериментальная археология; система трех веков; homo habilis; Олдувайская культура.

SUMMARY

Nikulin Yu.A. The functions and role of experiment in the context of archeological methodology.

This article pays attention to such notions as experiment and experimental archeology, its functions and role in the context of the subject generally and particularly human being.

Key words: experiment, experimental archeology, Three Age System, homo habilis, the Oldowan culture.

*Б.П. Окунцов
г. Горловка, ДНР*

УДК 370.174

**К ВОПРОСУ О ПУТЯХ ПРЕОДОЛЕНИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ОТЧУЖДЕНИЯ В ПЕРЕХОДНОМ
ОБЩЕСТВЕ**

К переходным обществам относятся страны постсоветского пространства, государства восточной Европы и некоторых других регионов мира. В них утверждаются организационные принципы рыночной экономики. Закономерно считать, что в переходных обществах реально существует политическое отчуждение. Оно препятствует вовлечению представителей наемного труда, различных социальных групп в активную политическую деятельность.

Цель статьи заключается в рассмотрении некоторых вопросов. В частности, выявить детерминанты, воспроизводящие в переходном обществе политическое отчуждение как реально существующего явления, так и оказывающего воздействие на степень причастности людей труда к политике. Определить оптимальные пути ослабления действия детерминант, воспроизводящих отчужденность представителей наёмного труда от политики. Тем самым способствовать их активизации в политической жизни.

В нынешних условиях трансформации переходного общества вторгаются в политическую жизнь идеологический и политический плюрализм, происходит отказ от методологического монизма, идет процесс демократизации. Общество переходного типа находится на пути глубоких политических преобразований. Казалось бы, что всё это вместе взятое должно приобщать людей к политике, превратив их в подлинных субъектов политического процесса. Но этого не происходит. Политические партии, другие, как политические, так и неполитические структуры стимулируют участие электората в политических акциях материальным вознаграждением. Политическая эйфория первых лет перехода к рыночным отношениям ныне рассеялась. В современных условиях значительную часть людей, в